

В. Г. Вовина-Лебедева

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия. Varvara_Vovina@mail.ru

ЯКОВ ЕМЕЦКИЙ, ЕГО СЕМЬЯ, ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

В статье предпринят анализ частных актов из собрания Антониево-Сийского монастыря, имеющих отношение к крестьянскому клану Емецких. Они уже использовались А. И. Копаневым в книге «Крестьянство Русского Севера в XVI в.» (Л., 1978), но в настоящей работе ставится цель изучить не экономическое и социальное положение этих крестьян, а найти сведения, которые возможно использовать для исследования их повседневной жизни и внутрисемейных отношений.

Ключевые слова: Яков Емецкий, Антониево-Сийский монастырь, Архив Санкт-Петербургского института истории РАН, духовная

В распоряжении исследователей русского Средневековья находится не так много материалов, позволяющих заглянуть в мир крестьянской семьи, внутрь крестьянского двора, увидеть за документами в основном хозяйственного характера сложные, порой драматические события, которые там разворачивались. Источники, дающие нам такую возможность, конечно, встречаются, но это скорее единичные, а не массовые явления.

Большой вклад в исследование темы внесли труды Е. Н. Швейковской [Швейковская, 2012; Швейковская, 2013; и др.]. Внутрисемейным отношениям крестьян она посвятила отдельную главу своей монографии, написанную в основном на материале сольвычегодских крестьянских актов конца XVI – первой четверти XVII в.¹ [Швейковская, 2012, с. 97–121]. Иногда комплекс материалов, позволяющий увидеть целый срез частной жизни общества за определенные годы, обнаруживается в одной рукописи, как, например, недавно выявленные записные книги Судного приказа Рязанского митрополичьего дома 1660–1670-х гг. [Козляков, Севастьянова, 2020; Козляков, 2021; Козляков, 2023].

В материалах государственных описаний XVI–XVII вв. и далее в ревизских описаниях XVIII в. иногда фиксировались случаи семейных дел, обычно выпадавшие из общего ряда, например, когда попов сын жил с мужнею женой, уведя ее от мужа, и имел с нею детей, которых требовалось учесть при переписи², или когда солдатская жена выходила замуж при живом муже [Вовина-Лебедева, 2020], или отец шел в солдаты вместо сына либо брат вместо брата [Вовина-Лебедева, 2022, с. 98] и т. п. Но, во-первых, такие случаи не так уж часты, а во-вторых, мы можем лишь гадать о мотивах, которыми руководствовались крестьяне. К тому же при работе с материалами переписей всегда нужно иметь в виду возможность искажений из-за желания со стороны части крестьян скрыть от государства реальное положение дел.

В большинстве своем сохранившиеся акты не содержат специальных сведений о крестьянских семьях. Если это грамоты, фиксировавшие отношения крестьянской общины с государством, то они в принципе не включали такой информации. Но и частные акты, призванные оформлять хозяйственные сделки между крестьянами, как правило, дают исследователям немного данных о внутрисемейных отношениях, за исключением тех случаев, когда сделка совершалась между близкими родственниками, например братьями, если речь шла о разделе се-

¹ РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 1.

² См.: РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 479. Ч. 1. д. Калининская.

мейного имущества или выделении его части. Исследования, проведенные Е. Н. Швейковской [Швейковская, 2012; Швейковская, 2013], говорят о том же.

Одним из наиболее содержательных в этом смысле источников среди частных актов можно назвать духовные, а также грамоты, закрепляющие условия брака (сговорные записи, брачные договоры), но и в таких грамотах мы сталкиваемся в основном с устойчивыми формулами, сквозь которые не всегда можно увидеть живую жизнь. Это стандартные наборы хозяйственных распоряжений на случай смерти завещателя или одного из вступающих в брак с более или менее подробными перечнями имущества, за которыми сложно обнаружить живые отношения между людьми. Ценный материал может быть извлечен из текстов челобитных. Е. Н. Швейковская проанализировала несколько сговорных записей и челобитных Сольвычегодского и Вологодского уездов, раскрывающих бедственное положение крестьянок-вдов, солдаток или же просто жен, мужья которых «сошли» со двора и которые были вынуждены для пропитания себя и детей вступать в разного рода споры с родственниками мужей [Швейковская, 2012, с. 122–138]. Вывод о тяготах жизни жен, лишившихся мужей, и их детей можно иногда сделать и на материалах государственных описаний [Вовина-Лебедева, 2019; Вовина-Лебедева, 2020].

Всегда представляют ценность исторические источники, содержащие более подробные сведения, в особенности если сохранились целые комплексы актов, восходящих к одному и тому же крестьянскому роду. Такой комплекс выявляется в составе актов Антониево-Сийского монастыря XVI в. в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1). Это акты зажиточных двинских крестьян-своеземцев Емецких.

Род Емецких был одним из объектов исследования в книге А. И. Копанева о крестьянстве Русского Севера XVI в., где им посвящен отдельный раздел [Копанев, с. 98–110]. На основании этих материалов (из которых 40 документов являются поземельными актами) А. И. Копанев составил генеалогию этой семьи, охарактеризовал ее социальное лицо и хозяйственный строй жизни, особенности землевладения. Внутрисемейными отношениями он специально не интересовался, но на материале сотных Емецкого стана пришел к важному выводу о том, что «отцовская семья» (то есть малая крестьянская семья, состоящая из родителей и детей) в XVI в. была там «господствующей формой семьи». Именно на основе этих данных он потом распространил этот вывод на другие территории Подвинья [Копанев, с. 120–121]. А. И. Копанев показал, что Емецкие в интересующий нас период имели большое хозяйство: в конце столетия у главы клана Якова Емецкого были 22 десятины пашни, развитое животноводство, своя поскотина, возможно, и промыслы (поскольку еще его отец купил 3 жеребья соляной варницы), и часть земли он сдавал порядчикам [Копанев, с. 35; 50, примеч. 88; с. 52, примеч. 99; с. 133, 142–143, 184–187, 203–204, 211–213, примеч. 230]³. Тем не менее в социальном смысле своеземцы Емецкие, по мнению исследователя, уже сливались с черносошными крестьянами, в частности, что важно, должны были уплачивать налоги вместе со всей волостью, именовались «государскими крестьянами» в документах [Копанев, с. 98, 106, 110].

Нас в данном случае интересует то, как грамоты крестьян Емецких помогают разглядеть черты их частной жизни. Остановимся лишь на одном представителе этого клана, с которым связано и от которого исходило более всего сохранившихся документов⁴, – это Яков Афанасьев Емецкий, живший в последней четверти XVI в. Акты, связанные с Яковым Емецким, раскрывают некоторые черты его личности и детали семейной жизни. Возникает редкая для указанного времени (в особенности в отношении лиц, не принадлежавших к верхушке общества) возмож-

³ Отметим гипотезу Ю. С. Васильева [Васильев] о том, что Емецкие были измельчавшими потомками новгородских бояр, оспоренную А. И. Копаневым [Копанев, с. 108–110].

⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 623, 625, 636, 655, 796, 856, 863, 880, 916, 924, 943, 945, 956, 973.

ность проследить отношения дружбы-вражды, подозрений и опасений человека, принадлежавшего к крестьянскому миру Русского Севера.

Поскольку речь идет о средневековой деревне и ее округе, жизнь и отношения внутри и вне мира чаще всего строились именно по принципу друзья – враги (свои – чужие). Анализ сохранившихся актов позволяет понять, кто были своими и чужими для Якова Емецкого в разные моменты его жизни.

Сохранились акты, в которых он выступал послухом (с его рукоприкладствами на обороте) или был одним из контрагентов сделки. 23 июля 1580 г. он выступил послухом при оформлении грамот крестьян Моржегорской волости по поводу их спорной с Антониево-Сийским монастырем земли⁵ [Вовина-Лебедева, 2023а]. В деле склеены одна с другой отпись и отводная. На отписи послухом записан «Яков Афонасьев сын Лукина», поскольку отца Якова звали Афонасьем Лукиным, на обороте помещено рукоприкладство; на обороте отводной грамоты имеется запись: «В послусах Якуш руку приложил», также отождествляющаяся по почерку как сделанная рукой Якова Емецкого.

Дело завершилось миром, и на обороте отводной грамоты расписались, видимо, два человека от крестьян и двое от монастыря, поскольку фамильное прозвище еще одного из послухов «Игумнов» указывает на какую-то связь с монастырем. Кстати, еще в одной, более ранней антониево-сийской отводной на землю в Ананьине юрмоле 1532 г. значится Яков Корнелиев сын Игумнов⁶. Из других документов также явствует, что Яков Емецкий был тесно связан с Антониево-Сийским монастырем (настоятель которого Питирим был его духовным отцом), что подтверждает наше предположение о нем как о свидетеле именно со стороны обители в грамоте от 23 июля 1580 г.

20 ноября того же 1580 г. в купчей продажной грамоте бывшего церковного старосты Покровского храма крестьянам нескольких волостей Двинского уезда на проданные им книги упомянут выдавший деньги покровский староста Яков Афонасьев Емецкий (Д. 623). Речь, вероятно, идет о приходском храме в Емецке, где существовал и Покровский монастырь. Таким образом, Яков Емецкий являлся не только доверенным лицом соседнего Антониево-Сийского монастыря, но также церковным старостой, то есть одним из крестьянских выборных, а значит, влиятельных лиц волости. Церковь в приходе (на Севере совпадавшем с волостью или станом) была центром общественной жизни, в церковной трапезной происходили крестьянские сходы, там же, по всей видимости, хранилась приходская казна. Как церковный староста Яков Емецкий значится в грамоте того же года (Д. 625), и в 1582 г. также обозначен церковным старостой уже Покровского монастыря в Емецке, когда продавал пономарю этого монастыря пономарский двор (Д. 655).

Итак, в 1580-е гг. мы видим уважаемого крестьянина, которому доверялись приходские деньги и у которого были связи с довольно крупным по северным меркам монастырем, находящимся по соседству с Емецким станом.

Главным наследственным владением Якова Емецкого была деревня Матвеевская. 30 января 1591 г. для него была составлена сотная грамота (на основании писцовых книг князя В. А. Звенигородского 1587 г.), подписанная царским дьяком Андреем Щелкаловым (Д. 796). Грамота была составлена на д. Матвеевскую «у реки Емцы на берегу». Эта же деревня упоминается намного раньше в купчей Василия Самелова сына на долю деревни Матвеевской, оформленной 20 января 1512 г. (Д. 19). Но в 1591 г. следов этих владельцев уже не видно. В де-

---

⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 619 (1).

⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 107. В дальнейшем будем в тексте в круглых скобках указывать только номер дела, поскольку речь пойдет о документах, хранящихся в одном фонде: Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1.

ревне записаны четыре двора: во дворе Якова Емецкого были написаны два его старших сына «Гришка да Иванко да люди его».

Деревня Матвеевская, а также дети Якова упоминаются в следующем по времени и наиболее интересном для нашей темы документе. Он относится к 1595 г., то есть с момента составления сотной прошло четыре года, а с момента составления первых грамот, в которых Яков обозначен как церковный староста, – десять лет. Это собственноручно писанная изустная духовная память Якова Афанасьева сына Емецкого (Д. 863). Грамота была написана 23 февраля, занимает 4 сстава шириной 15 см (текст шириной 13,5 см). На обороте помещена запись: «Духовную изуственную паметь писал яз, Яков, своею рукою, поежаючи к Москве, и дал отцу своему духовному Петериму и прикатчыкам, нечто случит мне Бог смерть». Речь шла не о предсмертном завещании, а о моменте, когда завещатель полагал, что находится в большой опасности. Собственноручное написание духовной – явление не совсем обычное, хотя известны случаи, когда другие документы писались собственноручно.

Духовная Якова Емецкого, с одной стороны, типична: основная ее часть состоит в перечислениях того, «кому ми что дати и на ком ми что взяти». С другой стороны, она интересна своим гораздо более пространством, чем обычно, содержанием, и даже носит черты исповеди. Автор духовной был не совсем рядовым крестьянином, а представителем старого рода, хорошо известного в Емецком стане [Носов, с. 292–293]. Он завещал распорядиться большими средствами, остающимися после него в случае смерти. Связи его с Антониево-Сийским монастырем к этому времени получили денежное выражение и укрепились за десять лет настолько, что речь шла уже о чрезвычайно крупных суммах: «игумену Петириму з братьею по закладной кабаде восмидсят рублев денег».

Якову Емецкому нужны были деньги, он обращался к большому числу людей, правда, уже за более мелкими суммами (крупными были еще только две кабады на 20 и 40 рублей). Так, в духовной упомянута закладная на имя старца Ионы, двадцать рублей недоплаты по кабаде игумену Гермогену⁷, кабады еще нескольким лицам на разные суммы. Яков Емецкий даже занял у нового покровского старосты приходские казенные деньги («дати мне по кабаде казенных денег два рубли, да ему же дати мне по кабаде недоплаты два рубли, а кабада о четырех рублех») и, кроме того, взял у покровского черного священника «безкабално три рубли денег». Вдобавок Яков Емецкий должен был покровскому старосте «домовского хлеба ржи двацать мер да ячмени двацать же по кабадам Игнатью Родивонову в домовскую жытницу».

В случае смерти завещателя следовало раздать по кабадам 76 рублей. Всего же денег по кабадам было взято на сумму в 85 рублей. Взыскать же наследникам предстояло с должников 59 рублей 85 копеек. Баланс был, таким образом, не в пользу Якова.

В том числе Яков претендовал на возврат выплаченных им спорных 30 рублей, с которыми была связана запутанная история. Он взял у некоего шастозерца по имени Яков Семенов сын 30 рублей, но дал при этом кабаду на 60 рублей. Очевидно, это почему-то было выгодно и той и другой стороне. Но затем оказалось, что займодавец решил получить у Якова все 60 рублей, считая, что сможет сделать это безнаказанно. Яков потерял 30 рублей – приблизительно ту сумму, которой измерялась теперь разница между занятыми и отданными займы деньгами.

С точки зрения пострадавшего Якова, шастозерец Яков Семенов повел себя столь нагло потому, что надеялся на безнаказанность, и не без основания: «И он тое кабаду отдал в вотчину государева боярина и конюшого Бориса Федоровича Годунова брату своему Василью Володимирову, чтобы меня тем им продати и тем бы на мне те денги по тое кабаде взяти двойные,

---

⁷ Гермоген был антониево-сийским игуменом короткое время в 1587–1588 гг. (в перерыве между первым и вторым игуменством Питирима), следовательно, этому долгу было минимум семь лет.

а пособляючи дяди своему Терентью Фатьянову, чтоб на мне угрозою взяти и по тое кабале все денги с приписью». Делу был дан ход в суде, и брат заимодавца Василей «по той кабале во всех денгах во штидесяти рублех с убытки привозил на меня на Якова государеву судимую грамоту на Двину к даному старосте к Саве Тимофееву с товарищи».

Таким образом, на Якова Емецкого был осуществлен нажим через местное начальство, и ему пришлось выплатить всю сумму денег по кабале. Он не решился вступить в тяжбу с «сильным» человеком, имевшим связи в самой Москве (возможно, хотя прямо об этом не пишется): «И я, блюдясе того, что Василей живет в вотчине государева боярина и конюшого Бориса Федоровича Годунова, и взял на мне по той кабале он те денги все, что в кабале писаны штедесят рублев».

Итак, выявляется круг врагов Якова Емецкого: шастозерец Яков Семенов, его брат Василий Володимеров, живший в вотчине Бориса Годунова⁸, и их дядя Терентий Фатьянов. На беду Якова они оказались «сильными людьми», и даже связанными с вотчиной Бориса Годунова, хотя точно сказать, что подразумевалось под выражением «жить в вотчине», мы не можем. Но, видимо, достаточно было просто упоминания о Борисе Годунове, самом сильном из «сильных людей» своего времени. Что же касается Терентия Фатьянова, то из другого места духовной узнаём, почему братья Яков Семенов и Василий Володимеров своими действиями «пособляли» ему. Тот оказался в числе должников Якова Емецкого, причем должников неплатежеспособных – Яков уже пытался взыскать с него деньги, получив «убыток»: «А взяти мне, Якову, по кабале на Терехе Фатьянове сыне, шастозерце, двацать рублев денег, да убытка мне, Якову, стало того Тереха в его неросплате, и в беганье, и в московских волокитах, и в подвинских пятнатцать рублев». Таким образом, в духовной отразился лишь исход какой-то длительной тяжбы, в ходе которой для взыскания долга приходилось жаловаться московским и подвинским властям, но действия эти (как в уездном центре, так и в Москве) не принесли успеха. Остается неизвестным, зачем Яков Емецкий взял деньги под кабалу племяннику своего несостоятельного должника, но, возможно, тут был какой-то резон. Так или иначе, его хитрость обернулась против него самого. Его противники оказались сильнее, а он этого вовремя не понял. Связи Якова Емецкого (с Антониево-Сийским монастырем и другими храмами округи) оказались недостаточными. Этот спор знакомств Яков проиграл. Одной из причин поездки в Москву могло быть желание подать челобитье по этому делу, как-то повлиять на ситуацию. А раз речь шла о споре с людьми, которых он сам, видимо, причислял к «сильным», исход этой поездки и не был для него очевидным.

Возможно, эта неудачная тяжба была причиной того, что Яков много брал в долг. Дело дошло до того что он заложил часть имущества в Антониево-Сийский монастырь: «да у игумена же Петерима з братьею занял я казеных денег пятнацать рублев, а заложыл в тех денгах чемодан с платьем, а платья в чемодане, заложыл им девять платен, да завяски жемчужные болшие, кисти навожены золотом да серебром, а платья в закладной цветы писаны имяно и завяски писаны имяно же, да в той же закладной писано, что я им же заложил два оловяники, да мушерьма, да кумран, да яндову медные, а в закладной писано имяно же и весь, а та закладная была писана на казначеиво имя на Онаньно, а закладная письмо рука моя, писал яз сам на себя своею рукою, а в послусах Кузма Павлов с рукою». Таким образом, хотя сама закладная и не сохранилась, в духовной ее содержание подробно передано, чтобы наследники сумели, если бы пришлось, выявить заложенное имущество, в особенности обратив внимание на детали, указанные в закладной («имяно же»). Не случайна и фраза о том, что и закладную, как и духовную, Яков

---

⁸ А. И. Копанев, ранее обративший внимание на это место, полагал, что речь идет о Варе [Копанев, с. 213].

Емецкий писал сам. Видимо, собственноручное письмо документа считалось дополнительной заверкой.

Объектом серьезной заботы завещателя было имущество, хранившееся в доме, на что уже обращал внимание А. И. Копанев. В духовной сказано: «А живот мой, Яковлев, весь, платье и судовой и всякой запас житейской, в науличной клети болши на полатях, и в меньшей науличной клети, и во дворе, в чердаке по сундукам и по коробьям замчен и запечатан моею печатью, и лошадиная всякая снасть в той же клети на полатех, да в той же болший клети на полатех ларец со всякими писмянными крепостьми и с кабалами». Итак, семейные документы хранились в особом ларце, который стоял в большой клети на полатях. Среди них были те, что перечислялись в духовной: «Которые кабалы писаныи имяно в сей духовной, замчены и запечатаны моею печатью Яковлевою». Значит, важнейшие документы не могли быть вскрыты без взлома печати. Запечатаны, как видим, были не сами документы (на сохранившихся грамотах нет следов печатей), а именно сундуки и ларцы, и закрыты они были от родственников Якова, к сложным отношениям с которыми перейдем ниже.

Яков особенно беспокоился за последствия утраты купчей на д. Матвеевскую (половину которой он выкупил у брата), ведь она сгорела в пожаре: «А купчая у меня, Якова, на полдеревни Матфеевской, что я тое полдеревни купил у брата своего у Федора Афонасьева, в дворовом пожаре згорела». Этот пожар в д. Матвеевской был еще одной причиной того, что Яков был вынужден занимать деньги и даже закладывать имущество, включая одежду и утварь. Он случился, видимо, после 1591 г., когда была составлена сотная на деревню, но до 1595 г., которым датирована духовная.

Яков подчеркивал, что после утраты купчей сообщил об этом в Москву, митрополиту в Новгород, а также в какие-то монастыри и соборы в Подвинье: «... и явки ф том давал на Москве на земском дворе, и к Новгородскому митрополиту, и по монастырем, и по многим собором в Двинской земли». Видимо, надежда на далекие московские власти была слаба, и считалось важным заручиться свидетельством авторитетных, прежде всего духовных, лиц поближе к дому, которые могли бы в случае необходимости подтвердить слова Якова Емецкого об утрате купчей в пожаре. Было важным сделать «своими» наиболее уважаемых в округе церковных лиц. Хотя эти связи и не помогли в истории с шастозерцем Яковом Семеновым, но пренебрегать ими было нельзя.

Поездка в Москву была связана не только с попыткой вернуть денежные потери, но и с тягостным расколом в семье Якова. У него произошел разрыв со старшими сыновьями (обозначенными еще в сотной), в особенности с самым старшим Григорием, к которому у отца оказалось так много претензий, что он счел необходимым записать их в духовную: «А за сыном моим за Григорьем оставаецца вопчего живота, что он после дворового пожару завладел на полтора ста рублей», не считая того, что «проворовал». Речь шла о том же дворовом пожаре, в котором сгорела упомянутая выше купчая. Сын Якова Григорий завладел в этот момент каким-то имуществом на полтора ста рублей и больше, хотя с ним уже произошел раздел и он забрал себе приданое жены: «приданое сын мой Григорей жены своей Марьи из вопчеи взял все сполна и запись мне взимочную отдал».

По этой причине отец, уезжая, не был уверен, что старший сын не воспользуется его отсутствием, которое могло оказаться длительным. Нужно было защитить интересы своей второй семьи. Сыновья были у Якова Емецкого от разных браков: старшие (Григорий и Иван) – от первого, младшие (Богдан, Яропол и Воин, а также дочь Стефанида) – от второго. Значит, нужно было отделить то имущество, которое пришло в дом от новой жены и ее родственников.

Так и было записано в духовной, что «после взимочные записи жене моей Марфы дядя ей дал Иван Щипунов полог казанской с пугвицы сердоличными, шыт шелком, и подзоры накинчены. Да тесть мой Семен Щипунов дал дочери моей Стефаниде да своей внучке серги с присережем, камение синее и жемчюги, да сыну моему Богдану дал дядя Юрье Семенов сын Щипунов пугвицы мурзинские четыре зерна жемчюжные нагольные. И я проценивал на Колмогорах пятью рубли давали на них, и я их взял с собою для нужы».

Последнее обстоятельство кажется важным: отъезжая в опасную поездку, Яков Емецкий взял с собой жемчужные пуговицы как ценный предмет, который всегда можно обратить в деньги. Проясняется и круг его новых родственников: это тесть Семен Щипунов (у которого был еще брат Иван) и зять Юрий Семенов Щипунов. Поскольку все они дарили подарки жене и дочери Якова Емецкого, предполагаем наличие между ними тесных родственных отношений, что позволяет говорить о родственных семейных кланах Емецких-Щипуновых.

На фоне этой родственной близости отношения со старшими сыновьями выглядят особенно плохими. Правда, Яков оставался связанным с ними хозяйственными делами. Из духовной видно, каким был способ ведения семейных дел: так, примерно половину кабал он оформлял на имя своего сына Ивана (второго по старшинству). При этом он полагал эти кабалы своими, и деньги (в случае его смерти) должны были быть возвращены не Иваном, а всеми наследниками, то есть признавалось, что оформление документов на Ивана было фиктивным. Это была еще одна уловка, к которой Яков Емецкий прибегал (как и в случае оформления кабалы на фиктивную, а не на реальную сумму), рассчитывая на некую выгоду.

У старшего сына Григория, жившего отдельно и имевшего своих детей, хранилась часть отцовского хлеба: «а иной хлеб молоченой у сына моего Григорья пятьдесят четвертей ржи и ячменя». Оставались у старших сыновей и ключи от отцовского имущества: «А ключи чердачной и науличных жы клетей и полачной оставаецце у сына моего у Ивана, да у жены моей у Марфы, да у сына же моего у Богдана». Богдан был одним из младших детей от второго брака Якова, очевидно, старшим из младших.

У Якова Афанасьева было довольно много дворовых людей (в литературе уже писалось, что под этим сочетанием следует видеть холопов [Козляков, Севастьянова, 2021, с. 299]). О них шла речь в сотной, и из духовной Якова Емецкого ясно, что во дворе жили 14 слуг обоего пола, судьбой которых он был озабочен. В случае смерти они должны были быть распределены между детьми (напомним, что это имело место до указа 1598 г. о кабальных холопах). В том числе холопами оделялись и двое младших сыновей: Яропол и Воин.

В справедливом распределении имущества в этом многочисленном семейном кругу Яков надеялся на помощь духовника игумена Питирима и других старцев Антониево-Сийского, а также Соловецкого монастырей: «А сведет Бог смерть мне, Якову, и после своей смерти приказываю тот свой живот весь Живоначальные Троицы Сийского монастыря отцу своему духовному игумену Пятириму, да келарю старцу Левкие, да казначею Ионе старцу, да соборному старцу Исааку Соловецкого монастыря и всей, яже о Христе, братьи, да жене своей Марфе, да детем своим Богдану, да Ераполу, да Воину, и по моей душе поправить». Взрослых холопов следовало отпустить на волю, дав отпускные, а их дети распределялись между сыновьями Якова. Учитывая малый возраст сыновей, один из взрослых холопов также оставался у них вместе с женой, что оговаривалось особо: «А Ивашка Зятко жыти ему и з женою у детей моих меньших у Богдана, да у Ерапола, да у Воина, покаместа растут и меньший будет в двадцать лет, и им его, Зятка, отпустить и з женою, да и отпускная им дати, да их и наделити: дати им корова да и хлепец им дати и платьем одети по-крестьянски». Забота о будущем дворовых людей заставляет предполагать, что они рассматривались Яковом скорее как члены семьи.

Ни одного из холопов не получал только старший сын Григорий. В духовной глухо сообщается о каком-то убийстве, совершенном им: «А слуги Григорью потому не оставил, что он преж сего жене моей приданую убил, с его руки пошла, и иные слуги для его битья розбежались». Приданая – видимо, холопка, данная второй жене Якова в приданое. По какой причине Григорий убил ее, остается неясным. Это убийство перечислено среди проступков Григория, совершенных в ходе пресловутого пожара, поэтому можно высказать догадку, что она как-то противодействовала ему, например не давала забирать господское имущество.

Отец имел большую обиду на Григория и Ивана не только за поведение во время пожара. В тот момент произошли еще какие-то события, память о которых осталась в семье и во время написания духовной продолжала влиять на отца и диктовать следующие распоряжения: «А детям моим большым Григорью да Ивану, что за моим за долгом останетце, до деревни, и живота, и до скота, и до всякого житейского запасу дела нет, ни их детям, потому что тот Григорей з детми своими живот мой после пожару переносил к себе силно и чинил убивство и яз ф том обдолжал от них».

Таким образом, отец прямо считал старших сыновей виновниками своего разорения. Их вину отягощало то, что они настроили против отца самого младшего брата Воина шести лет, и в результате тот также оказался замешан в мятеже: «А тот сын мой Воин тому Григорью брату своему в том тачил, и с ним тем моим животом корыстовался, и за собя они мой живот весь передели». Об этом прямо не сказано, но, возможно, сам Яков во время пожара отсутствовал дома. И когда он стал упрекать сыновей и требовать утраченное имущество, «и оне меня хотели убити и смерти предати, да и фперед оне на меня и на жену, на моих на детей моих менших похваляютца убивством и всяким бездельем, и яз о том поехал к Москве бити челом государю».

Якову все это было тем более обидно, что он многое вложил в старших, в том числе дал им образование: «И они же дети мои большие Григорей з детми своими да Иван и промыслу изучены, грамоте, и пети и писати, а меньшие мои дети не в досуге и болшеи дванацати лет, а другой семи лет, а тьретеи шти лет, и животам о его оне за собою хтьростию не имеют и промыслу не изучены никоторому. Им потому и живот свой приказываю, что за долгом останетца». Перед нами нешуточный раскол семьи и по-человечески понятная ситуация: взрослые старшие сыновья восстали против отца, усугубили его разорение, причиненное пожаром, и он вынужден защищать жену, а также младших несмышленных (не имевших «хитрости»), не получивших животов и ничему еще не выученных детей.

Примечательно, что как в духовной, так и во всех других грамотах, кроме одной, младшие дети Якова Емецкого упоминаются под некалендарными именами, тогда как старшие сыновья всегда под крестильными именами: Григорий и Иван. Возможно, у них и не было других имен, а в новой семье существовала иная традиция (хотя дочь Стефанида упоминается везде под крестильным именем, как и жена, ее отец и брат). И лишь оттого, что сохранилась отступная грамота Якова Емецкого с детьми 1598 г. от пожни в д. Матвеевской Антониево-Сийскому монастырю, мы узнаём, каковы были крестильные имена младших Яковлевичей: Богдана – Григорий, Яропола – Аверкий, Воина – Меркурий (Д. 945). Поскольку об этом сказано лишь в одной грамоте, видимо, употреблялись эти имена редко. Можно предположить, что использование их в данном случае (хотя и вместе с прозвищами) объясняется тем, что сделка заключалась с монастырем.

Важно и то, как именно Яков описывал образование старших детей и внуков. Мы не знаем, отчего Яков не сумел выучить младших детей. Возможно, образованием старших он занимался в момент своего наибольшего процветания, когда у него были те самые промыслы,

которым он учил сыновей. Младшим же не повезло, и отец не уделил им достаточно внимания в момент, когда начались несчастья.

Любопытно, что в духовной разведены «грамота» и умение «пети» и «писати». Можно предложить разные толкования данного места. Так, можно понимать его так, что грамота включает умение «пети» и «писати», то есть после слова «грамоте» можно поставить двоеточие. «Пети» – очевидно, значит участвовать в церковной службе, что подразумевало пение, и не только по памяти, но и по текстам молитв. Таким образом, умение «пети» равно умению читать. При таком понимании логично, что вторая составляющая «грамоты» – умение «писати». И по этой же причине оба слова перечислены через предлог «и» («и пети и писати»). Возможна и другая трактовка этого места: «грамота» могла пониматься именно как чтение, а далее к умению читать были присоединены умения петь и писать. У нас есть возможность проанализировать образцы письма Якова, его детей, внука, а также отца и деда, но это должно быть темой отдельного исследования.

Видимо, Григорий Яковлев имел буйный характер, и не напрасно отец подозревал его и брата Ивана в возможных неблагоприятных действиях в отношении младших детей в случае смерти отца: «И будет мои дети Григорей или Иван или их дети и после моего живота начнут через сию духовную на приказщиках моих, или на жене моей, и на детех моих, на своей братии, деревни и станка животов моих пытати, и на них не буди мое благословенее ни в сий век, ни в будущем, и буди оне прокляты». Это было сильное, но обычное для духовных высказывание. Оно показалось Якову Емецкому недостаточным, и он прибавил фразу, касающуюся только Григория, которого отец опасался более других детей, высказавшись, не зная того, в стиле посланий князя Андрея Курбского царю Ивану: если Григорий «сию мою духовную престяпит, и яз с ним сужусе в день Страшнаго суда».

Итак, в 1595 г. Яков Емецкий находился в трудных обстоятельствах: у него возник разлад со старшими сыновьями, он пережил большой пожар и потерпел убыток в деле с шастозерцем Яковым Семеновым и его родственниками. Он мог уповать только на помощь духовных властей, связи с которыми не были утрачены. Если говорить о доброжелателях, то к ним можно, видимо, причислить и тех, кто давал ему деньги в долг, которые он завещал вернуть. Кроме игумена Питирима это были те, у кого брались мелкие суммы, включая священника Покровской церкви.

Мы точно не знаем, несмотря на духовную, ездил ли Яков в итоге в Москву, сколько там пробыл, какой исход имели его челобитья. Но если он ездил, то благополучно вернулся оттуда. 1 октября 1597 г. датирована монастырская запись, содержащая просьбу к Якову Емецкому со стороны Антониево-Сийского монастыря выкупить заложенное монастырю имущество (Д. 924). Монастырский казначей Иона (тот самый, которому Яков Емецкий в числе прочих поручал имущество в духовной) просил у Якова Афанасьева Емецкого те самые 80 рублей, под которые он заложил четыре пожни, а также 15 рублей, взятых под залог платья. Таким образом, эта часть духовной подтверждается сохранившимися актами. Деньги были даны ему из монастырской казны, в монастыре они понадобились раньше срока из-за того, что там началась перепись, в соответствии с привезенной царской грамотой. Поэтому монастырю и понадобились деньги или (взамен денег) купчая дерная на заложенное имущество (пожни и платье). Иона, видимо, был послан для этой цели из монастыря к Якову Емецкому, так как в бумаге сказано: «А не взяв мне денег у тебя или купчих на заклад, и в монастырь быть не велели». Однако срок выплат по закладной, видимо, еще не пришел, так как в записи передан ответ Якова Емецкого: «И Яков сказал: денег де у меня нет, а закладу яз не отступлюсь до сроку. Яз вам на денги рост заплатил».

Поскольку монастырю ростовщичество было не к лицу, в основном тексте монастырской записи эта деталь не указывалась, а сообщалась лишь при передаче слов Якова. Впечатляет и помещенный в конце грамоты список «людей добрых» (то есть послухов), которые были «на записки»: 24 человека, включая церковного покровского старосту и земского дьячка. Видимо, столь солидное представительство было вызвано большой суммой, а также тем, что речь шла о сделке с крупнейшим в округе монастырем.

Несмотря на то, что связи Якова Емецкого с Антониево-Сийским монастырем имели давнюю историю, длились десятилетиями, несмотря на то что в трудную минуту он поручал игумену и старцам судьбу дома и детей, поступаться своими интересами и идти навстречу обители, когда об этом зашла речь, он сначала не согласился. Возможно, причиной было имущественное положение Якова, которое, вероятно, он так восстановить и не сумел. Дело тянулось еще некоторое время, в 1597 и 1598 гг. были оформлены еще три грамоты (Д. 916, 943, 945) на пожни, но в итоге Яков с обителью помирился, уступив пожни из-за невозможности выкупить их из заклада. 26 ноября 1598 г. датируется отпись Якова Емецкого Антониево-Сийскому монастырю в получении денег для уплаты дани и оброка за пожни – последняя из сохранившихся грамот, в которых Яков выступил одной из сторон. Что касается перечисленного в духовной заложенного дорогого имущества, то его судьба неизвестна.

С семьей, видимо, также произошло примирение. Во всяком случае, духовная и все неприятные для старших сыновей распоряжения так и не вступили в силу. Временем после возвращения из Москвы Якова датируются несколько грамот с участием его и сыновей (Д. 880, 916, 924, 943, 945, 956). Главное, что 20 ноября 1595 г. (через восемь месяцев после отъезда в Москву и составления духовной) Яков оформил с сыновьями Григорием, Иваном, Богданом, Ярополом и Воином раздельную грамоту на все свое имущество. Значение этого акта можно понять, только зная, что еще недавно планы отца в отношении детей были совершенно другими. Остальные грамоты, связанные с Яковом Емецким (вплоть до ноябрьской записи 1598 г.), типичны для актов своего вида, и только на фоне сведений, полученных из такого замечательного документа, как духовная Якова Емецкого 1595 г., можно и из этих обычных формул получить дополнительные сведения для понимания повседневной жизни большой крестьянской семьи. Мы узнаём, что сыновья продолжали сообща пользоваться тем, что осталось из отцовского наследства. Так, 8 декабря 1599 г., очевидно, уже после смерти Якова, Григорий, Иван и Богдан Яковлевы дети Емецких опять получили от Антониево-Сийского монастыря оброчные и данные деньги за пожню (Д. 973).

Единство семьи оказалось у Якова Емецкого на первом месте, несмотря на период ссор и резкого разлада. Духовная дает возможность увидеть, как горько он переживал их, как жаловался на неблагодарность детей, образованием и воспитанием которых он занимался и считал, что многое в них вложил. Поддержка духовных отцов была важной частью его жизни, но не настолько, чтобы забыть свои интересы. А с теми, у кого были сильные связи (по уровню выше, чем у него), ему не нужно было связываться, хотя если бы не эта ошибка и не роковой пожар и ссора с сыновьями, мы, по всей видимости, так и не узнали бы, что в данном случае скрывается за обычными формулами крестьянских актов, и были бы лишены драгоценной возможности заглянуть внутрь крестьянского двора, увидеть, какие драматические сцены порой разыгрывались там, какие сложные отношения дружбы-вражды завязывались, почувствовать атмосферу обид и надежд.

Проанализированная духовная своеземца Якова Емецкого подтверждает, что социальное лицо Емецких было охарактеризовано А. И. Копаневым верно. Это, действительно, к концу XVI столетия крестьяне, но зажиточные, обладавшие разнообразным движимым и недвижи-

мым имуществом, в том числе холопами в немалом количестве (14 человек), а также ценными вещами, и все это нужно было распределить между наследниками, учитывая сложные отношения внутри семьи. Если сравнивать Емецких с другими известными своеземцами Поморья, например с Амосовыми, то видно, что их экономическое положение близко и что эти семьи отличались богатством от рядовых крестьян мелких северных волостей. Любовь к письму и желание собственноручно писать документы также находит параллель у других поморских своеземцев XVI в. [Вовина-Лебедева, 2023б]. Однако нет никаких сведений о том, что кроме солидной собственности Емецкие в конце XVI в. обладали какими-то преимуществами, связанными с происхождением от старинных землевладельцев. Как и остальные крестьяне, они полностью зависели от благорасположения местных влиятельных лиц, прежде всего духовных, а также от наличия или же отсутствия связей со светскими «сильными людьми».

Конечно, важным является вопрос о том, насколько типична та ситуация, в которой оказался Яков Емецкий, когда поссорился со старшими сыновьями и решил обделить их наследством. К сожалению, решение этой задачи представляет определенные сложности, поскольку данная духовная уникальна по подробности излагаемых в ней семейных обстоятельств. Пока отметим, что в собрании актов Антониево-Сийского монастыря XVI в. сохранилось восемь духовных, из которых только три, включая духовную Якова Емецкого, – духовные крестьян. В памяти «в духовные место» 1545 г. некая вдова Зиновия Терентьева старалась защитить права на луговую землю своей дочери Ульяны от другого родственника – брата завещательницы (Д. 233). Поскольку это являлось главной целью составления документа, он не содержит других обычных формул духовных. Сообщается только, что речь идет о земле, которая перешла Зиновии от матери, а теперь должна отойти ее дочери при том, что половину последняя отдаст «по душе» завещательницы. А в 1562 г. Григорий Данилов завещал весь свой «живот» (кроме одной деревеньки, которая должна была пойти вкладом в церковь) зятю и дочери (Д. 446). Это говорит о том, что у него, видимо, не было сыновей, но была другая родня, что потребовало включить в документ следующую фразу: «А иному нет дела до моих животов никому ни в чем, ни роду моему, ни племени». Однако ни в том, ни в другом случае точно семейных обстоятельств завещателей понять нельзя, как и того, почему ими было принято то или иное решение. И этим упомянутые духовные (как и большинство других сохранившихся завещаний) отличаются от духовной Якова Емецкого, в которой как раз подробное изложение мотивов завещателя представляет особую ценность. И мы также не знаем, были ли реализованы положения указанных духовных, в отличие от случая с духовной Якова Емецкого, которая является частью родового собрания документов.

Если обратиться к брачным договорам (сговорным записям и проч.), то там также оговаривались права детей от первого брака одной из сторон, поскольку такие документы оформлялись обычно в случаях, когда муж шел жить к жене (часто вдове с детьми), соединяя имущества. Примером может служить «складная запись» 1622 г. крестьянки Крестины и ее третьего мужа Пospела из собрания Важских актов⁹.

Приведенных примеров, разумеется, недостаточно. Очевидно, что вопрос о том, как обычно юридически защищались права части крестьянской семьи или ее отдельных членов (например, детей от первого или второго брака завещателя, как в случае с духовной Якова Емецкого) и каковы были права главы семьи и ее членов в случае возникновения конфликтной ситуации, является важным и должен стать предметом отдельного исследования.

---

⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 27 (Коллекция Важских актов). Оп. 1. Д. 38.

Литература

- Васильев Ю. С. К вопросу о двинских боярах XIV–XVI вв. // *Материалы XV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР*. Вологда, 1976. Вып. 1. С. 7–9.
- Вовина-Лебедева В. Г. Судьбы крестьянских детей по материалам тягольно-солдатской книги Важского уезда 1665 г. // *Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы X Международной конференции 9–13 сентября 2019 года*. Москва, Россия, М., 2019. С. 52–54.
- Вовина-Лебедева В. Г. «Жена его вышла замуж...»: к вопросу о судьбах солдатских жен в XVII веке // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2020. Т. 25. № 1. С. 44–58. DOI 10.15688/jvolsu4.2020.1.4
- Вовина-Лебедева В. Г. Складывание крупных крестьянских родов на Русском Севере по материалам государственных описаний Важского уезда XVII – первой половины XVIII века // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2022. Т. 27. № 5. С. 96–107. DOI 10.15688/jvolsu4.2022.5.7
- Вовина-Лебедева В. Г. К вопросу о борьбе северных крестьян за землю в XVI в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2023. № 1 (91). С. 32–37. DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.005 [Вовина-Лебедева, 2023a]
- Вовина-Лебедева В. Г. К вопросу о письме грамот XVI века // *Порядок и Смута. Государство, общество, человек на востоке и западе Европы в Средние века и раннее Новое время. К 85-летию Владислава Дмитриевича Назарова*. М., 2023. С. 388–398. [Вовина-Лебедева, 2023б]
- Козляков В. Н. «Как живут добрые люди» (источниковедческие проблемы изучения частной жизни России по материалам «духовных дел» 1660–1670-х гг.) // *Российская история*. 2021. № 1. С. 26–36. DOI 10.31857/S086956870013440-5
- Козляков В. Н. «Греховные вещи и духовные» (частная жизнь в России по материалам церковного суда XVII в.) // *Российская история*. 2023. № 4. С. 56–73. DOI 10.31857/S2949124X23040041
- Козляков В. Н., Севастьянова А. А. Документы архиерейского суда как источник по истории частной жизни в России второй половины XVII века // *Источниковедение в современной медиевистике. Всероссийская научная конференция*. Москва, 2020–2021. М., 2020. С. 167–170.
- Козляков В. Н., Севастьянова А. А. Честь и участь холопа (по материалам записных книг Судного приказа Рязанского митрополичьего дома 1660–1670-х годов) // *Связь времен и творчество историка. Памятный сборник к 90-летию Виктора Моисеевича Панеяха*. СПб., 2021. С. 296–404.
- Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. 245 с.
- Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. 601, [1] с., [1] л. ил.
- Швейковская Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М., 2012. 366 с.
- Швейковская Е. Н. Семейная драма в Тотемской уезде первой трети XVII в. (Реплика к изучению демонологии) // *АЕ за 2009–2010 годы*. М., 2013. С. 389–398.

References

- Kopanev, A. I. *Krest'yanstvo Russkogo Severa v XVI v.* [Peasantry of the Russian North in the 16th Century]. Leningrad, 1978. 245 p.
- Kozlyakov, V. N. "Kak zhivut dobrye lyudi" (istochnikovedcheskie problemy izucheniya chastnoi zhizni Rossii po materialam "dukhovnykh del" 1660–1670-kh gg.) ["How Good People Live" (Source Studies of Private Life in Russia Based on the Materials of the "Spiritual Affairs" of the 1660–1670s)]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2021. No. 1. Pp. 26–36. DOI 10.31857/S086956870013440-5
- Kozlyakov, V. N. "Grekhovnye veshchi i dukhovnye" (chastnaya zhizn' v Rossii po materialam tserkovnogo suda XVII v.) ["Things Sinful and Spiritual» (Private Life in Russia Based on the Materials of the Church Court of the 17th Century)]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2023. No. 4. Pp. 56–73. DOI 10.31857/S2949124X23040041
- Kozlyakov, V. N., Sevast'yanova, A. A. Dokumenty arkhieireiskogo suda kak istochnik po istorii chastnoi zhizni v Rossii vtoroi voloviny XVII veka [Documents of the Bishop's Court as a Source on the History of Private Life in Russia in the Second Half of the 17th Century]. In *Istochnikovedenie v sovremennoi medievistike. Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya*. Moskva, 2020–2021. Moscow, 2020. Pp. 167–170.

- Kozlyakov, V. N., Sevast'yanova, A. A. Chest' i uchast' kholopa (po materialam zapisnykh knig Sudnogo prikaza Ryazanskogo mitropolich'ego doma 1660–1670-kh godov) [Honor and Fate of a Slave (Based on the Materials from the Notebooks of the Judgment Chancery of the Ryazan Metropolitan House of the 1660–1670s)]. In *Svyaz' vremen i tvorchestvo istorika. Pamyatnyi sbornik k 90-letiyu Viktora Moiseevicha Paneyakha*. Saint Petersburg, 2021. Pp. 296–404.
- Nosov, N. E. Stanovlenie soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdenii v Rossii. Izyskaniya o zemskoi reforme Ivana Groznogo [The Formation of Class-Representative Institutions in Russia. Research on the Zemstvo Reform of Ivan the Terrible]. Leningrad, 1969. 601, [1] p., [1] l. of il.
- Shveikovskaya, E. N. Russkii krest'yanin v dome i mire: severnaya derevnya kontsa XVI – nachala XVIII veka [A Russian Peasant at Home and in World: Northern Village of the Late 16th – Early 18th Centuries]. Moscow, 2012. 366 p.
- Shveikovskaya, E. N. Semeinaya drama v Totemskoi uезде pervoi treti XVII v. (Replika k izucheniyu demonologii) [Family Drama in Totem District in the First Third of the 17th Century (Replica to the Study of Demonology)]. In *Arkhograficheskii ezhegodnik za 2009–2010 gody*. Moscow, 2013. Pp. 389–398.
- Vasil'ev, Yu. S. K voprosu o dvinskikh boyarakh XIV–XVI vv. [On the Issue of the Dvina Boyars of the 14th – 16th Centuries]. In *Materialy XV sessii Simpoziuma po problemam agrarnoi istorii SSSR*. Vologda, 1976. Issue 1. Pp. 7–9.
- Vovina-Lebedeva, V. G. Sud'by krest'yanskikh detei po materialam tyagol'no-soldatskoi knigi Vazhskogo uезда 1665 g. [The Fate of Peasant Children Based on the Materials of the Soldier's Book of the Vazhsky District of 1665]. In *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi. Materialy X Mezhdunarodnoi konferentsii 9–13 sentyabrya 2019 goda. Moskva, Rossiya*. Moscow, 2019. Pp. 52–54.
- Vovina-Lebedeva, V. G. “Zhena ego vyshla zamuzh...”: k voprosu o sud'bakh soldatskikh zhen v XVII veke [“His Wife Got Married...”: On the Question of the Fate of Soldiers' Wives in the 17th Century]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2020. Vol. 25. No. 1. Pp. 44–58. DOI 10.15688/jvolsu4.2020.1.4
- Vovina-Lebedeva, V. G. Skladyvanie krupnykh krest'yanskikh rodov na Russkom Severe po materialam gosudarstvennykh opisaniy Vazhskogo uезда XVII – pervoi poloviny XVIII veka [Formation of Big Peasant Clans in the Russian North Based on the State Descriptions of the Vazhsky District from 17th to the Early 18th Century]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2022. Vol. 27. No. 5. Pp. 96–107. DOI 10.15688/jvolsu4.2022.5.7
- Vovina-Lebedeva, V. G. K voprosu o bor'be severnykh krest'yan za zemlyu v XVI v. [On the Struggle of the Northern Peasants for Land in the 16th Century]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2023. No. 1 (91). Pp. 32–37. DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.005 [Vovina-Lebedeva, 2023a]
- Vovina-Lebedeva, V. G. K voprosu o pis'me gramot XVI veka [On the Issue of Writing of Charters of the 16th Century]. In *Poryadok i Smuta. Gosudarstvo, obshchestvo, chelovek na vostokey i zapade Evropy v Srednie veka i rannee Novoe vremya. K 85-letiyu Vladislava Dmitrievicha Nazarova*. Moscow, 2023. Pp. 388–398. [Vovina-Lebedeva, 2023b]

Varvara G. Vovina-Lebedeva

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

YAKOV EMETSKY, HIS FAMILY, FRIENDS AND ENEMIES

In their article, the author undertakes an analysis of private acts from the collection of the Antonyev-Siysky Monastery connected with the Yemetsky peasant clan. They have already been used by A. I. Kopanev in his book “Peasantry of the Russian North in the 16th Century” (Leningrad, 1978), but now the goal is not to study the economic and social situation of these peasants, but to find information that can be used to study their daily life and intra-family relations.

Keywords: Yakov Emetsky, Antonyev-Siysky Monastery, Archive of Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, testament